

Алейникова Валерия Андреевна,
Ассистент кафедры уголовного права и процесса,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Aleynikova Valeria Andreevna,
Assistant Department of Criminal Law and Procedure,
Belgorod State National Research University

Карпова София Антоновна, студент,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Karpova Sofia Antonovna, student,
Belgorod State National Research University

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ИНСТИТУТА ПРИСЯЖНЫХ
ПОВЕРЕННЫХ И СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ АДВОКАТУРЫ
HISTORICAL CONTINUITY OF THE INSTITUTE OF JURY
ADVOCATES AND THE MODERN RUSSIAN ADVOCACY**

Аннотация. Статья посвящена комплексному историко-правовому анализу преемственности между институтом присяжных поверенных, учрежденным Судебными уставами 1864 года, и современной российской адвокатурой. В работе обоснована концепция «селективной преемственности», согласно которой при формальном заимствовании институциональных структур современная адвокатура утратила существенные признаки сословной автономии и неформализованного морального контроля, приобретя взамен формальную унификацию и элементы административной зависимости.

Abstract. The article is devoted to a comprehensive historical and legal analysis of the continuity between the institution of sworn attorneys established by the Judicial Statutes of 1864 and the modern Russian bar. The paper substantiates the concept of "selective continuity," according to which, while formally adopting institutional structures, the modern bar has lost the essential features of class autonomy and informalized moral control, acquiring instead formal unification and elements of administrative dependence.

Ключевые слова: Присяжные поверенные, адвокатура, Судебная реформа 1864 года, независимость адвокатуры, правовая преемственность, Кодекс профессиональной этики адвоката.

Keywords: Jury attorneys, bar, Judicial reform of 1864, independence of the bar, legal continuity, Code of professional ethics of the lawyer.

Историческая преемственность между институтом присяжных поверенных и современной российской адвокатурой является одной из центральных проблем в историко-правовой науке, затрагивающей не только вопросы академической реконструкции, но и глубинные основы профессионального правосознания. Судебные уставы 1864 года не просто создали новый судебный орган – они сформировали уникальную для России сословную корпорацию, чей авторитет держался на сплаве профессионального мастерства и нравственного ценза. Революция 1917 года уничтожила это сословие физически и институционально, заменив его на десятилетия советскими коллегиями защитников, чья зависимость от партийно-административных органов была тотальной. Принятие Федерального закона № 63-ФЗ в 2002 году стало попыткой восстановить связь времен, однако, как показывает углубленный

сравнительно-правовой анализ, сходство это зачастую носит скорее ритуально-декларативный, нежели содержательный характер. Цель настоящего исследования – выявить не только формальные параллели, но и существенные разрывы, определяющие принципиально иную природу современного адвокатского корпуса.

На уровне организационных форм преемственность прослеживается наиболее отчетливо. Учреждение советов присяжных поверенных при судебных палатах создало прецедент самоуправляемой корпорации, независимой в вопросах приема, дисциплины и внутреннего распорядка. Современная система адвокатских палат субъектов РФ с их советами и конференциями практически калькирует эту двухуровневую модель. Как и прежде, основная масса вопросов решается на уровне палаты региона. Однако глубина самоуправления принципиально иная. Если советы XIX века были абсолютно суверенны в своем праве отказать кандидату без объяснения причин, опираясь исключительно на нравственные критерии, то современные советы действуют в жестко формализованном правовом поле. Квалификационные комиссии включают представителей от территориальных органов юстиции, что превращает допуск в профессию из акта сословного доверия в разрешительную административную процедуру. Таким образом, организационная форма здесь вступает в противоречие с административно-правовым содержанием: государство, формально дистанцируясь, сохраняет рычаги влияния через институт допуска и через угрозу лишения статуса.

Сравнительный анализ требований к вступлению в корпорацию выявляет фундаментальный сдвиг в самой философии профессии. Для присяжных поверенных ключевое значение имел пятилетний стаж службы по судебному ведомству, что обеспечивало знание судебной практики и, что важнее, формировало корпоративную солидарность с судебским корпусом. Это был «закрытый клуб» с высоким порогом входа. Современный закон, напротив, снизил минимальный стаж до двух лет и допустил в профессию обладателей ученой степени без практического опыта. Вместо дискреционного права совета, критикуемого Кони за «возможность произвола», но дававшего возможность оценить личность, введен квалификационный экзамен – механизм, ориентированный на проверку формальных знаний, а не моральных качеств. Это привело к количественному взрыву (от 16 тыс. присяжных поверенных до 80 тыс. адвокатов), но одновременно размывало элитарный характер профессии и упразднило неформальный ценз, делавший присяжного поверенного «рыцарем права».

Здесь разрыв между историческими формами особенно показателен. Дореволюционные советы не имели писаного этического кодекса, руководствуясь обычаями и прецедентами, что позволяло гибко реагировать на нарушения профессиональной морали. Современная система, напротив, предельно кодифицирована. Кодекс профессиональной этики адвоката, принятый в 2003 году, представляет собой детальный нормативный акт, устанавливающий конкретные составы нарушений и санкции. Парадокс заключается в том, что, стремясь уйти от субъективизма советов XIX века и защитить адвокатов от произвола, современная корпорация создала громоздкую процедуру, где этическая оценка деяния часто подменяется поиском формального состава. Как следствие, исчезла та гибкость, которая позволяла Кони оценивать проступок через призму «противного совести». Кроме того, если исключенный присяжный поверенный терял право на профессию навсегда, что подчеркивало необратимость морального приговора, то современный закон допускает повторное вступление в ряды адвокатуры, низводя исключение до уровня временного профессионального запрета.

Центральным элементом содержательного разрыва является степень независимости от государства. Присяжные поверенные были отделены от государственной службы институционально и финансово, их авторитет базировался на публично-правовой миссии, что позволяло им выступать против власти в политических процессах. Современная адвокатура, согласно статье 3 Закона об адвокатуре, является институтом гражданского общества и не

входит в систему органов власти. Однако Л.Ю. Грудцына верно подмечает, что государство выступает гарантом соблюдения принципов законности и независимости, что создает двусмысленность: гарант одновременно является потенциальным источником угрозы. Финансирование защиты по назначению из государственной казны, утверждение форм удостоверений и требований к экзамену, ведение реестров – все это создает атмосферу «разрешенной корпорации», чье существование опосредовано административным признанием. Утрачен ключевой элемент дореволюционной доктрины – отношение к адвокату как к «служителю правосудия», чья легитимность проистекает не из статуса, выданного государством, а из самого акта служения праву.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что историческая преемственность между присяжными поверенными и современной адвокатурой носит селективный и преимущественно декоративный характер. Заимствована внешняя оболочка – система палат, принцип выборности советов, идея корпоративного суда чести. Однако содержательное наполнение этих форм кардинально изменилось. Место закрытой сословной элиты заняла массовая профессия с формализованными процедурами допуска и контроля. Место неформального нравственного авторитета, основанного на общественном доверии, занял детализированный этический регламент. Место абсолютной независимости от административного ресурса – уязвимость перед косвенным государственным воздействием.

Таким образом, тезис о «возрождении традиций 1864 года» следует признать некорректным без фундаментальных оговорок. Современная адвокатура не является наследницей присяжных поверенных в сущностном смысле, а представляет собой принципиально иной социально-правовой институт, использующий исторические образы для легитимации своего текущего статуса.

Список литературы:

1. Васьковский Е.В. Организация адвокатуры. Ч. 1. – СПб., 1913.
2. Володина С.И. Адвокатура в системе публичной власти. – М.: Проспект, 2019.
3. Грудцына Л.Ю. Правовое обеспечение гарантий независимости, самоуправления и финансирования адвокатской деятельности // Евразийская адвокатура. – [[http://www.eurasian-advocacy.ru/...](http://www.eurasian-advocacy.ru/)].
4. Кони А.Ф. Присяжные поверенные // Собр. соч. Т. 4. – М., 1914.
5. Кучерена А.Г. Адвокатура в России. – М.: Норма, 2017.
6. Пилипенко Ю.С. Адвокатура в России: история и современность. – М.: Норма, 2017.
7. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (ред. от 22.04.2024).
8. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003, ред. от 18.04.2025).

